Свящ. Н. Н. Фетисовъ.

ОПЫТЪ

уясненія основныхъ вопросовъ науки сектовѣдѣнія.

Дублет
Гос. Публ. Б-ка
Обмен

КІЕВЪ.
Тип. Акц. Об-ва „Петръ Барскій въ Кіевѣ“, Крещатикъ, № 40.
1914

Печатать дозволяется 2 сентября 1914 г.

Ректоръ Академіи *Епископъ Василій.*

Библіотека
Кіевской Духовной
Академіи
227
30

Оттискъ изъ журнала „Труды Императорской Кіевской духов. Академіи".

Опытъ уясненія основныхъ вопросовъ науки сектовѣдѣнія.

Новая миссіонерская каѳедра въ Академіи—сектовѣдѣніе или, какъ оффиціально она называется, „исторія и обличеніе русскаго сектанства“ предметомъ своего изученія имѣетъ сектанство. Понятіе сектанства, въ цѣляхъ точности и ясности представленія о немъ, едва ли можетъ быть исчерпано обычнымъ, краткимъ опредѣленіемъ его, какъ группы людей, отдѣлившихся отъ единства православной Церкви и живущихъ отдѣльною самостоятельною жизнью въ замкнутой средѣ своихъ религіозныхъ идеаловъ [1]). Давши сразу такое, можетъ быть, и вѣрное въ общихъ чертахъ опредѣленіе, мы уклонились бы отъ идеала вообще научныхъ требованій. Наука не можетъ способствовать прямо укрѣпленію установившагося смысла и значенія за извѣстнымъ терминомъ, она не есть непосредственное вѣдѣніе, въ степени лишь только какого-нибудь импульса человѣческой жизни. Ея дѣло болѣе совершенное—восходить въ своихъ понятіяхъ до основныхъ корней, ихъ раздѣльности и ясности. Помимо этого, вдумываясь въ представленное опредѣленіе сектанства, мы можемъ замѣтить и практическое его неудобство—гдѣ разница его въ такомъ случаѣ отъ другого явленія церковно-

---

[1]) См. Исторію и обличеніе р. сектанства *К. Плотникова* вып. I, СПБ. 1910, стр. 2. Нѣкоторыя же руководства по исторіи русскаго сектанства не считаютъ нужнымъ заняться вопросомъ, что такое секта и сектанство, начинаютъ свои изслѣдованія прямо съ исторіи русскаго сектанства—см. напр. *С. Маргаритова.*—Исторія русскихъ мистич. и раціон. сектъ. Симферополь 1910, *Н. Гумилевскаго*—Краткая исторія и обличеніе новыхъ раціоналистическихъ сектъ, Кіевъ 1910.

исторической жизни, которое носитъ названіе раскола или σχίσμα (pars)? [1]). Для разницы этихъ понятій обыкновенно стараются точнѣе опредѣлить характеръ и мотивы ихъ самовольнаго уклоненія отъ единства съ православною Церковью, по руководству 1 правила св. Василія Великаго. Сектанство, въ этомъ случаѣ, говорятъ, основывается на отрицаніи догматическихъ истинъ христіанства, а расколъ выходитъ изъ неповиновенія церковной іерархіи или церковной дисциплинѣ. Но мало того, что указанное правило св. Василія трудно поддается такому толкованію [2]), вмѣстѣ съ этимъ легко припомнить, что расколъ, какъ неповиновеніе церковной іерархіи, или церковной дисциплинѣ, въ концѣ концовъ колеблетъ догматическія основанія Церкви и, въ своихъ результатахъ, оказывается не менѣе раціоналистичнымъ, чѣмъ сектанство. Да и въ самомъ сектанствѣ, наконецъ, нельзя вычеркнуть изъ опредѣляющихъ его мотивовъ неповиновеніе церковной іерархіи, или церковной дисциплинѣ,—послѣднее, несомнѣнно, также опредѣляетъ его бытіе и форму. Не даромъ блаж. Августинъ еретичество или сектанство находитъ возможнымъ называть застарѣлой схизмой или застарѣлымъ расколомъ [3]). Неудовлетворительность такого краткаго опредѣленія сектанства сознавалась въ нашей русской литературѣ, и извѣстны неоднократныя попытки нашихъ богослововъ—полемистовъ опредѣлить сектанство болѣе точно.

---

[1]) Понятіе pars на Западѣ въ древне-церковной письменности нерѣдко употреблялось, какъ синонимъ σχίσμα (schisma)=расколъ. Такъ блаж. Августинъ, Оптатъ Милевскій говорили о схизмѣ Доната, употребляя терминъ pars. Подр. см. у *Du Cange* въ его Glossarium mediae et infimae latinitatis Niort 1886, t. VI v. pars.

[2]) См. толкованія этого правила у *Епископа Далмат. Никодима* „Правила (κανόνες) Православ. Церкви съ толкованіями“ изд. СПБ. Ак., т. II, стр. 366—371.

[3]) О томъ, что всякій расколъ можетъ стать ересью или, по существу, есть ересь, свид. ц. письм. можно чит. въ цит. соч. *Еп. Никодима* т. I, стр. 261, 589—591, II, стр. 371.

Преосвящ. Алексій, епископъ Саратовскій, выдающійся представитель научнаго изученія у насъ сектанства, говоритъ, что сектанство есть не что иное, какъ то „общество, которое отдѣлилось отъ господствующей Церкви, потому что оно (это общество) не нашло осуществленными въ ней идеалы своего спасенія и святости“ [1]). Къ сожалѣнію, едва ли можно думать, что такое пониманіе сектанства, представленіе такимъ образомъ мотивовъ его уклоненій отъ Церкви, вноситъ что-нибудь спеціальное, исключительное въ его содержаніе. Ересь, вѣдь, тоже такое уклоненіе отъ Церкви, которое ставитъ свой религіозный идеалъ на мѣсто церковнаго и ставитъ не по чему другому, какъ, именно, въ силу предполагаемой ею неполноты и несовершенства послѣдняго. Всякая ересь была вызвана къ жизни, именно, тѣмъ, что она не удовлетворялась наличною дѣйствительностью господствующей религіозной догмы и морали. Церковь, отъ которой она отдѣлилась, мыслилась ею всегда съ неосуществленнымъ въ своей полнотѣ и мѣрѣ идеаломъ спасенія и святости. Причемъ раздѣльность теоретическаго и практическаго моментовъ указываемой святости, въ дѣйствительности, никогда не играла особенной дифференцирующей роли. Грубый догматическій матеріализмъ аріанства, идеалистичность монофизитства неизбѣжно вели къ соотвѣтствующимъ представленіямъ святости и спасенія, которыя, въ сознаніи собственной правоты, отличались отъ общепринятыхъ тогдашнею церковію. Съ такой же точки зрѣнія и понятіе раскола немудрено вмѣстить въ предлагаемый преосвящ. Алексіемъ объемъ сектанства—и для раскола оказывались нарушенными, недостигнутыми идеалы святости и спасенія, проповѣдуемые господствующею Церковью.

---

[1]) „Основныя формы сектантскихъ заблужденій“—Мис. Обозр. 1902, февр. стр. 226 (ст. подписана *А. Дородницынъ* —нынѣ Еписк. Алексій).

Указываютъ еще, что почва сектанства—моральная, въ отличіе отъ теоретической почвы ереси и бытовой раскола [1]). Секта, въ этомъ случаѣ, община, отдѣлившаяся отъ Церкви во имя неправильнаго пониманія ея религіозно-нравственной жизни. Основаніе ея—ложная религіозная нравственность [2]). Трудно согласиться и съ такимъ опредѣленіемъ сектанства [3]). Намъ кажется, что такое пониманіе сектанства представляетъ послѣднее явленіемъ въ результатѣ непремѣнно соціально-политическимъ съ утопіями коммунизма и даже анархизма. Конечно, есть и такія секты, вышедшія изъ такого неправильнаго пониманія религіозно-нравственной жизни, но этими фракціями далеко не обнимается вся историческая дѣйствительность сектанства. Напротивъ, есть секты, мораль которыхъ ничѣмъ не отличается отъ правильнаго пониманія ея Церковію. Да и вообще подчеркивать мораль, какъ виновницу той или другой секты, гораздо труднѣе, чѣмъ подчеркивать въ такихъ случаяхъ догматику христіанства. Догматы для сектанства всегда служили камнемъ преткновенія, и разнорѣчіе въ нихъ—основа сектанства. Не говоримъ уже о томъ, что такое моральное пониманіе сектанства тоже не отличаетъ его ясно отъ раскола. Правда, послѣднему отводится защитниками разсматриваемаго мнѣнія бытовая почва, но понятіе быта въ точномъ значеніи слова требуетъ непремѣнно такихъ или иныхъ религіозно-нравственныхъ основъ. И расколъ отсюда такъ или иначе происходитъ въ Церкви во имя неправильнаго пониманія ея религіозно-нравственной жизни.

И. Г. Айвазовъ, извѣстный дѣятель миссіи, миссіонеръ-профессоръ, предлагаетъ такое опредѣленіе секты: „секта — организованное и тѣсно сплоченное общество лю-

---

[1]) Мнѣніе *Д. Граціанскаго*—„Что такое „секта“ вообще и „раціоналистическая“ и „мистическая“ въ частности“—Мис. Обозр. 1904 г., май, 1 кн. стр. 972.

[2]) Ibid.

[3]) Срв. Миссіонерскій запросъ въ Мис. Обозр. 1904 г., ноябрь м., 1347 стр.

дей, отпавшихъ отъ господствующей Церкви по коренному религіозному разномыслію съ нею, но согласныхъ другъ съ другомъ въ вопросахъ вѣры“ [1]). Секта въ этомъ опредѣленіи получаетъ самостоятельное значеніе отъ начавшейся организаціи послѣдователей какого-нибудь ученія, моментъ же избранія самаго ученія, его мотивы, здѣсь отбрасываются, какъ не имѣющіе, повидимому, значенія въ содержаніи сектанства. Секта, по этому пониманію, есть просто *результатъ* ереси. Всякое лжеученіе, пока оно не собираетъ послѣдователей, будетъ ересью, но, какъ только началась пропаганда этого лжеученія, появились около лжеучителя его адепты, ересь становится сектой. Самое слово еретикъ можетъ употребляться по отношенію къ основателю лжеученія, но онъ же становится сектантомъ, какъ членъ своей новой еретической общины. „Если Толстой, говоритъ И. Г. Айвазовъ, называется еретикомъ, то, какъ создатель ереси, ложнаго вѣроученія; если Толстовство именуется сектою, то какъ община единомысленныхъ людей, сплоченно содержащихъ ересь Толстого. Если Толстой — сектантъ, то какъ членъ общины—секты“ [2]). Нельзя не замѣтить, что такое опредѣленіе сектанства отличается оригинальностью и изобличаетъ въ авторѣ тонкаго ученаго аналитика. Но, вмѣстѣ съ этимъ, оно, по нашему, недостаточно полно, „не договариваетъ до конца“... Едва ли можно брать соціальный моментъ въ уясненіи содержанія „секта“ внѣ связи съ одушевляющими послѣдователей принципами и ихъ характеромъ. Опираясь на такое пониманіе, „секта“ получаетъ право гражданства въ приложеніи ко всякой группѣ людей, коль скоро послѣдняя занялась организаціей внутренней своей жизни, диктуемой какимъ-нибудь однимъ ея виднымъ

---

[1]) Изъ миссіонерскихъ запросовъ „Что такое секта“— Мис. Обозр., 1904 г. ноябрь м. стр. 1350.

[2]) Ibid. 1351 стр.

вождемъ—членомъ. Правда, въ приведенномъ опредѣленіи упоминается признакъ „отпаденія людей отъ господствующей церкви по коренному религіозному разномыслію". Но непонятно, почему сектѣ усвояется вдругъ такой религіозный характеръ [1]). Да и самый характеръ религіознаго разномыслія остается здѣсь скрытымъ—почему поэтому и раскольническую общину не назвать сектою? Почему къ послѣдователямъ Арія, Несторія, Евтихія и проч. не приложить терминъ сектанства? И. Г. Айвазовъ иллюстрируетъ свое опредѣленіе примѣромъ отношеній къ Толстому и толстовству. Но, вѣдь, все таки остается неяснымъ, почему гр. Л. Толстой еретикъ, а его община — сектанты, и тотъ же гр. Л. Толстой, какъ членъ своей общины—сектантъ? Если еще толстовцы—сектанты, потому что они слѣдуютъ ученію гр. Л. Толстого, живутъ по его религіознымъ принципамъ, и тѣмъ обособляются отъ господствующей Церкви, то въ какомъ смыслѣ самъ гр. Л. Толстой, организаторъ этой общины, сектантъ? Кому онъ *послѣдуетъ*? Нельзя не видѣть что здѣсь получается какое-то искусственное соотношеніе, безъ нужды тщательно опредѣляются два историческихъ момента жизни лжеучителя, и придумываются для нихъ два особыхъ, совершенно самостоятельныхъ обозначенія. Чтобы выдержать характеръ разбираемаго опредѣленія сектанства не лучше ли называть еретикомъ всякаго основателя лжеученія, а послѣдователей его сектантами? Но идетъ ли опять названіе еретика, напр., къ извѣстному въ исторіи русскаго сектанства Кульману или Уклеину и др.? На основаніи всего этого мы не можемъ совершенно согласиться съ опредѣленіемъ сектанства, даннымъ и И. Г. Айвазовымъ—упрекнемъ это опредѣленіе въ излишней теоретичности и формальности въ выводахъ.

---

[1]) Вѣдь, секта—secta, по мнѣнію И. Г. Айвазова, не есть терминъ церковный—ibid.

Такое разнообразіе сужденій о сектанствѣ показываетъ, что, въ видахъ наибольшаго и лучшаго уясненія содержанія самого понятія сектанства, къ нему слѣдуетъ подойти иначе, хотя и тѣмъ же путемъ, который извѣстенъ преосвящ. Алексію и И. Г. Айвазову, историко-филологическимъ. Сектанство—производное существительное отъ слова секта, а послѣднее лексикографы производятъ отъ латинскаго глагола sequor или seco, которыя въ своемъ корнѣ уходятъ къ санскритскому sac, и обозначаютъ—„слѣдовать, разсѣкать". Причемъ лучшіе лексикографы не хотятъ принимать seco въ значеніи сѣченія, раздѣленія, а усваиваютъ ему значеніе sequor: слѣдую за кѣмъ въ чемъ-нибудь [1]).

И дѣйствительно, у латинскихъ классиковъ это слово secta обозначало извѣстное направленіе мыслей, образа дѣйствій и жизни. Затѣмъ употреблялось оно для обозначенія слѣдованія ученію какой-либо политической или философской партіи [2]). Такимъ образомъ, въ первоначальномъ своемъ значеніи слово secta не выражаетъ, какъ можно бы было думать, понятія какой-либо обособленности, а скорѣе оно выражаетъ понятіе совокупности, согласія [3]). Въ такомъ,

---

[1]) *Du Cange* cit. Glossarium t. VII, v. secta p. 404. *A. Forcellini.* Totius latinitatis lexicon opera et studio p. MDCCCLXXI, t. V, p. 405. *A. Rechenbergius.* Hierolexicon reale, hoc est, biblico—theologicum et historico—ecclesiasticum, e sacris philologorum probatis lexicis, L. et. Tr. MDCCIV p. 1508. Lateinisches etymologisches Wörterbuch *A. Walde* Heidelberg 1905. Dictionnaire latin—francais *L. Quicherat* p. 1877 v. secta. *Kawerau* Sektenwesen—Realencyklopädie f. protest. Theologie und Kirche A. Hauck L. 1906 t. XVIII, s. 157 и др. Русскіе сектовѣды—*Епископъ Алексій*—цит. произведеніе „Основныя формы сект. заблужденій"—Мис. Обозр. 1902, февр. стр. 225 „отъ sectari—слѣдовать за кѣмъ либо; отсюда secta—свита, дружина, шайка, приверженцы"; *прот.—проф. Т. Буткевичъ*—„Обозр. русскихъ сектъ и ихъ толковъ". Харьковъ 1910, стр. 2, *И. Г. Айвазова* цит. зам., „Что такое секта"—Мис. Об. 1904, 1350 стр.

[2]) *Forcellini* cit. op. lexicon t. V, p. 405.

[3]) Въ русской литературѣ по исторіи сектанства производство слова secta, помимо sequor, отъ seco разсѣкаю, раздѣляю, поддержи-

именно, смыслѣ древніе писатели говорятъ о сектѣ Антонія, причемъ разумѣются политическіе приверженцы римскаго государственнаго мужа Антонія (ум. 30 г. до Р. Х.). Встрѣчается также упоминаніе о сектѣ Эпикура, причемъ разумѣются послѣдователи греческаго философа Эпикура [1]). Древне-христіанскіе церковные писатели слово secta употребляютъ также въ такомъ, ничего предосудительнаго не заключающемъ смыслѣ. Само христіанство у Тертулліана называется Christiana secta, generosa Christi, bona Dei secta [2]). По представленію Минуція Феликса, христіанство есть secta, возглавляемая самимъ Богомъ, въ качествѣ Magistri sectae [3]).

Vulgata впервые спеціализировала понятіе secta, въ смыслѣ слѣдованія за ученіемъ, которое уклонилось отъ нормальныхъ или общепринятыхъ основъ жизни. Понятію secta Vulgata находитъ синонимическое слово въ греческомъ языкѣ αἵρεσις, которое уже съ II в. не только на востокѣ, но и на западѣ пріобрѣло значеніе „горделиваго усвоенія личному, субъективному мнѣнію абсолютной, объективной истины и стремленія къ самовозвышенію и обособленію“ [4]).

ваетъ *В. Терлецкій*—см. его „Очерки, статьи и изслѣдованія по исторіи сектанства“ Полтава 1911, стр. 17. Согласиться съ нимъ, въ виду указанныхъ авторитетовъ, нельзя. Правда, америк. историкъ *Lyon* въ своемъ соч. A Study of the Sects, Boston 1891, p. IV пытается опредѣлить secta отъ seco, въ значеніи разсѣкаю, разъединяю, но на его сужденіяхъ В. Терлецкій не основывается. Да и у самого Lyon'a этимологическія сужденія шатки и ложны.

[1]) Cit. op. *Forcellini, Du Cange,* цит. соч., *Епископа Алексія,* прот.-проф. *Т. Буткевича, И. Г. Айвазова.*

[2]) *Rechenbergius* cit. Hierolexicon p. 1508, Срв. *Du Cange* Vit. p. 388.

[3]) *Forcellini,* cit. op.

[4]) Древній ересеологъ, Иринеи Ліонскій, отмѣчаетъ, именно, горделивое самопревозношеніе, какъ характерный признакъ ереси. Папій Іерапольскій въ ереси отмѣчаетъ также упорство, съ какимъ еретики защищаютъ свое неправильное мнѣніе. Въ дальнѣйшее время церковные писатели еще съ большею силою ударяютъ на это упорство, на эту непо-

Какъ синонимъ αἵρεσις, слово secta было внесено въ латинскую библію. Такъ, напр., 5 ст. 24 гл. кн. Дѣяній Ап., греческое выраженіе ἡ τῶν Ναζωραίων αἵρεσις, Vulgata переводитъ secta Nazarenorum (срв. 26, 5, 28, 22 Дѣян. Ап.). Здѣсь secta, какъ и αἵρεσις, употреблено, правда, въ общемъ смыслѣ извѣстнаго религіознаго направленія или религіозной партіи. Но если мы сопоставимъ 5,24 съ 26,5,14 той же кн. Дѣяній Ап., гдѣ принадлежность къ назорейской ереси, т. е. христіанству, разсматривается, какъ одинъ изъ мотивовъ суда надъ апостоломъ, то слову secta, какъ и αἵρεσις, мы должны придать уже отрицательный, аккузативный смыслъ. Такое же отрицательное значеніе понятію secta сообщаютъ слова св. Ап. Павла въ кн. Дѣян. 24 гл. 14 ст.: „Но въ томъ признаюсь тебѣ, что *по ученію* (слав. въ пути), *которое они называютъ ересью*, я, дѣйствительно, служу Богу отцовъ моихъ, вѣруя всему написанному въ законѣ и пророкахъ". По гречески подчеркнутыя слова читаются: „κατὰ τὴν ὁδὸν, ἣν λέγουσιν αἵρεσις"... Vulgata же имѣетъ „Confiteor autem hoc tibi secundum sectam (= пути = ὁδόν), quam dicunt haeresim" (срв. Дѣян. 28, 22). Новый моментъ въ пониманіи секты, по видимому, даютъ посланія апостольскія. У апостола Павла словомъ secta, въ соотвѣтствіи греч. αἵρεσις, Vulgata обозначаетъ извѣстное, подлежащее осужденію, направленіе во *внутренней* жизни христіанской общины. Такъ 20 ст. 5 гл. посл. къ Галатамъ secta, какъ и αἵρεσις, относитъ къ числу дѣлъ плоти (τὰ ἔργα τῆς σαρκός, opera carnis): прелюбодѣянія, блуда, нечистоты, непотребства, идолослуженія и т. д. Характерно, что въ разсматриваемомъ мѣстѣ αἵρεσις поставлено послѣ διχοστασίαι, а въ Вульгатѣ sectae послѣ dissensiones. Этимъ, очевидно, дѣлается существенное

колебимую защиту лжи, какъ на главную отличительную особенность ереси (таковъ, напр., Факундъ Герміанскій)—см.подр. объ этомъ Правосл.—богосл. Энциклопедія *Лопухина, Rechenbergius'a, Du Cange* cit. op. v. αἵρεσις, haeresis, ересь.

различеніе αἵρεσις и secta отъ простого разногласія,—διχοστασία и dissensio. Можно думать, что αἵρεσις и secta здѣсь какъ бы усиливаютъ значеніе διχοστασίαι и dissensiones, и, въ противовѣсъ послѣднимъ, обозначаютъ собою разногласіе не временное или случайное, происшедшее вслѣдствіе какого-нибудь случайнаго, ошибочнаго факта, а постоянное, глубокое и серьезное. Во 2 посл. св. ап. Петра 2 гл. 1 ст: „лживые пророки вводятъ пагубныя ереси", по гречески читаемъ: παρεισάξουσιν αἱρέσεις ἀπωλείας, V.=introducent sectas perditionis. Здѣсь еще яснѣе опредѣляется понятіе secta (αἵρεσις)—подчеркивается не только отрицательное или аккузативное его значеніе, но и черезъ отношеніе лжепророковъ къ искупившему Господу устанавливаются антихристіанскіе или антидогматическіе мотивы его содержанія [1]). Изъ этихъ немногихъ мѣстъ Новаго Завѣта видимъ уже устанавливающійся въ Церкви смыслъ слова secta съ менѣе широкимъ, чѣмъ у классиковъ, значеніемъ, съ значеніемъ въ смыслѣ греческаго αἵρεσις, какъ сознательнаго уклоненія отъ общехристіанской догмы и жизни. У блаж. Августина мы находимъ уже такое мѣсто: „secta est longe alia opinantem quam ceteri, alio etiam sibi ac longe dissimile ritu divinitatis instituisse culturam"[2]). Но, несмотря на это, нельзя сказать, чтобы послѣдующіе памятники церковной древности свидѣтельствовали объ особенномъ распространеніи въ церкви слова secta въ указанномъ смыслѣ. Древне-церковное право, вообще богословская наука на Западѣ, избѣгая слова secta, вмѣсто него, принимаетъ греческое слово haeresis, haeretici и пр., и въ уклоненіяхъ отъ церкви различаютъ *еретиковъ*, которые колеблютъ авторитетъ церковный и придумываютъ новое ученіе, и *схизмати-*

[1]) Были и лжепророки въ народѣ, говоритъ св. ап. Петръ, какъ и у васъ будутъ лжеучители, которые введутъ пагубныя ереси и, отвергаясь искупившаго ихъ Господа, навлекутъ сами на себя скорую погибель (2 Петръ 2, 1).

[2]) Contra Faust. Manich. lib. 20, c. 3—Mg. CPL t. 42 (August. op. 8), col. 369. Сущность секты, по блаж. Августину, т. обр. составляетъ разномысліе и установленіе культа (понимаемаго въ широкомъ смыслѣ) отличнаго отъ Божественнаго.

κοβς, которые не подчиняются только церковной іерархіи. Haeresis perversum dogma habet, schisma propter episcopalem discussionem ab ecclesia pariter separat—таковы обычныя свидѣтельства древне-каноническихъ памятниковъ. Вотъ почему средневѣковая нѣмецкая библія находитъ возможнымъ отступить отъ слагавшагося въ Западной Церкви, благодаря Vulgat'ѣ, словоупотребленія secta, замѣняетъ иногда библейское secta разными соотвѣтствующими нѣмецкими словами Irrtum, Ketzerei и др. Лютеръ въ своей библіи снова старается придать слову secta болѣе точный древній смыслъ и сохраняетъ его въ тѣхъ мѣстахъ библіи, гдѣ только подразумѣвается ясное уклоненіе отъ общепризнанной догмы или истины. Такимъ образомъ мы видимъ, что латинское слово secta въ исторіи своего возникновенія на христіанской почвѣ сохраняетъ значеніе греческаго слова αἵρεσις съ его опредѣленнымъ уже установившимся содержаніемъ. Если же церковное право, богословіе, до нѣкоторой степени какъ бы избѣгаютъ частаго употребленія слова secta, то это со стороны послѣднихъ, намъ кажется, объясняется, можетъ быть, лишь понятнымъ въ наукѣ предпочтеніемъ оригинала переводу. Въ дальнѣйшемъ, послѣ Лютера, слово secta является съ новымъ оттѣнкомъ въ своемъ содержаніи. Понятіе haeresis остается, какъ общее обозначеніе Церковію всякаго уклоненія отъ религіозныхъ общественныхъ нормъ, а слово secta беретъ для своего употребленія государство. Начинается новый періодъ государственной эксплоатаціи этого древне-классическаго термина secta, что естественно, конечно, въ свою очередь, вліяетъ и на церковное его словоупотребленіе. Понятіемъ secta теперь пытаются опредѣлить каждое религіозное общество, которое не пользуется какими-либо особенными привиллегіями отъ государства—вотъ что секта. Поэтому, говоритъ Loofs [1]), и понятіе secta является имѣю-

[1]) Symbolik I, 1902, s. 74.

щимъ смыслъ только въ тѣхъ странахъ, гдѣ есть, такъ называемая, государственная религія. „Я принимаю, говоритъ Drews [1]), слово secta, чтобы обозначить религіозное общество, безправное и непризнанное государствомъ". Однако едва ли такой смыслъ слова secta можно признать удовлетворительнымъ по точности соотвѣтствія дѣйствительности, ибо мы знаемъ не одну религіозную общину, которая не пользуется какими-нибудь особенными привиллегіями отъ государства и въ то же время не носитъ названія secta. Кромѣ того, нельзя забывать, что существующія нынѣ во многихъ государствахъ отношенія между церковію и государствомъ полагаютъ мало какой-нибудь разницы между государственной религіей и другими религіозными общинами. Но это отнюдь не говоритъ за исчезновеніе понятія secta. Для нашего сознанія существуютъ общины, которыя мы не можемъ назвать иначе, какъ secta. Отсюда, намъ кажется, въ опредѣленіи secta, сохраняющей, по существу, значеніе αἵρεσις, важенъ не моментъ лишь государственной санкціи и ея мотивовъ, а происхожденіе и характеръ самаго религіознаго уклоненія отъ принциповъ господствующей церкви—необходимо, чтобы это уклоненіе произошло среди народа, среди самой народной церкви и носило на себѣ слѣды вліянія противоположнаго, чуждаго народу, духа. Здѣсь церковь, отъ которой уклоняются, важна не въ смыслѣ церкви государственной, снабженной какими-либо правами или привиллегіями отъ государства, но въ смыслѣ церкви народной, которая сильна и авторитетна въ народѣ, по своему многовѣковому историческому положенію, какъ религіозная воспитательница, нравственная руководительница всего народа. Можетъ быть, и государство, послѣ Лютера, вывело изъ забвенія слово secta для обозначенія имъ, въ отличіе отъ общаго религіознаго уклоненія обозначаемаго ересью, особаго характера религіозныхъ уклоненій, не только

[1]) Kirchl. Leben in Königreich Sachsen, 1902, s. 295.

противорѣчащихъ существу Христовой вѣры, для чего было бы достаточно латинизированнаго понятія αἵρεσις=haeresis, но и противорѣчащихъ вѣковой народной вѣрѣ и заключающихъ еще непремѣнно вліяніе постороннее, иноземное. Вотъ почему тамъ, гдѣ государство объявило себя совершенно безразличнымъ къ религіи, естественно, теряется всякій юридическій смыслъ сектанства, но понятіе secta въ сознаніи народа все же живетъ. И наоборотъ, совсѣмъ не будетъ сектантскимъ движеніе среди церкви, которое, хотя и возбуждается въ самомъ народѣ, но, какъ народная *самостоятельная* оппозиція исторической церкви, въ виду предполагаемаго отступленія послѣдней отъ чистоты ученія. Это, какъ можно догадываться въ исторіи церкви, будетъ явленіе раскола или schism'ы. Если и здѣсь въ расколѣ также можетъ быть вліяніе иноземное [1]), то значеніе послѣдняго въ данномъ случаѣ какъ бы обратное—тамъ, въ сектанствѣ, принципы чужестраннаго откалываютъ общину отъ господствующей народной церкви, желая путемъ дальнѣйшаго вліянія направить самостоятельно жизнь новой общины. Здѣсь уходитъ отъ церкви часть вѣрующихъ, которые замѣчаютъ въ самой церковной общинѣ вліяніе иноземнаго, чуждаго сложившимся уже въ народѣ историческимъ традиціямъ. Тамъ, въ сектанствѣ, если такъ можно выразиться, иноземное—причина образованія и организаціи, здѣсь въ расколѣ—причина только ухода. Итакъ, указанное соотношеніе уклоненій отъ Богопреданнаго Христова ученія съ историческимъ (народнымъ) религіознымъ міросозерцаніемъ, которое вырабатывалось въ народѣ вѣками, на пространствѣ всей исторіи, по-нашему, скорѣе можетъ служить характернымъ признакомъ, входящимъ въ содержаніе сектанства, скорѣе, будетъ способство-

---

[1]) Припомн. сужденія о наш. расколѣ-старообрядчествѣ *В. О. Ключевскаго*—см. его „Западное вліяніе въ Россіи. XVII вѣкъ—Вопросы философіи и психологіи", 1897, кн. (IV), стр., напр., 795 и д.

вать наиболѣе точному, самостоятельному опредѣленію сектанства—во 1-хъ, въ отличіе его отъ раскола, во 2-хъ въ дѣлѣ уясненія сектанства какъ опредѣленнаго вида ереси.

Что же касается того, когда слово секта перешло на русскую почву, объ этомъ сказать опредѣленно трудно. Можно только думать, что оно перешло къ намъ изъ Германіи [1]) и сохраняло общее значеніе ереси, оставаясь въ подробностяхъ своего содержанія совсѣмъ неопредѣленнымъ. Отъ этого слово секта прилагалось и прилагается у насъ и къ расколу.

Ереси, секты въ исторіи Церкви появились очень давно. Первые дни Христовой Церкви на землѣ знаютъ еретиковъ и сектантовъ. Вся послѣдующая жизнь Церкви является свидѣтельницей борьбы ортодоксіи съ разнообразными еретическими новшествами. И эта многовѣковая борьба дала громадные положительные результаты. Безъ преувеличенія можно сказать, что ей обязана всякая новая черта въ развитіи христіанскаго богословія или церковной письменности; даже развитіе церковной дисциплины и обрядности часто было вызываемо къ бытію своему такими историческими причинами, между которыми преимущественное значеніе имѣла борьба Церкви съ ересями. Это не значитъ, конечно, что исторію Церкви вмѣстѣ съ Бауромъ удобнѣе представлять исторіею только сектъ и борьбы съ ними. Но въ этомъ—несомнѣнная и необходимая связь раскрытія христіанской истины, ея углубленія и формулировки, съ требованіями или запросами жизни. Уже отсюда видно, что вопросъ ересеологическій, во всей его ширинѣ и полнотѣ, является однимъ изъ самыхъ интересныхъ, глубокосодержательныхъ предметовъ

---

[1]) *Прот.-проф. Т. Буткевичъ* предполагаетъ, что слово секта заимствовано южно-русскими богословами съ католическаго Запада—см. цит. его соч. „Обзоръ русскихъ сектъ и ихъ толковъ“, Харьковъ 1910, стр. 2.

историческаго знанія. Новая наука сектовѣдѣнія является частью этого сложнаго, громаднаго ересеологическаго вопроса. Какъ часть, она получаетъ опредѣленныя границы изслѣдованія—ей дано для научныхъ изысканій и опытовъ—сектанство въ русскомъ народѣ, сектанство *русское*. Такимъ образомъ сознательныя уклоненія отъ Богопреданнаго религіозно-нравственнаго ученія, которое содержитъ историческая (народная) русско-православная церковь, уклоненія, образовавшіяся подъ такимъ или инымъ наноснымъ вліяніемъ различныхъ философскихъ и богословскихъ идей—должны составить предметъ нашей науки. Предъ нами долженъ пройти сложный рядъ русскаго, религіознаго творчества, какъ результатъ знакомства съ посторонними богословско-философскими теченіями, и какъ рефлексъ особенностей исторической жизни нашего народа.

Съ внутренней, психологической стороны сектантство, какъ вообще явленіе духа, трудно понятно и трудно поэтому опредѣлимо. По вопросу о сущности его, высказано много самыхъ разнообразныхъ сужденій. Одни очень просторѣшаютъ вопросъ о сущности сектанства, представляя его дикими бреднями, порожденіемъ сильнаго невѣжества, другіе готовы считать его, наоборотъ, явленіемъ свѣтлымъ, началомъ естественнаго пробужденія въ народѣ религіозно-культурнаго духа, третьи, наконецъ, видятъ въ немъ явленіе психо-патологическое, болѣзненное въ медицинскомъ смыслѣ. Въ настоящій разъ намъ незачѣмъ разбирать подробно эти разнорѣчивые взгляды на сущность сектанства. Вмѣсто этого, припомнимъ слѣдующее. Изученіе происхожденія ересей въ древней Церкви показываетъ намъ, что мотивомъ ихъ появленія было стремленіе къ раціональному выясненію тѣхъ или другихъ вопросовъ христіанскаго міросозерцанія. Требованія крайняго реализма въ мысли и переживаніяхъ—вотъ зерно древнихъ еретическихъ разсужденій. Аріане, говоритъ св. Григорій Бог., оставили прежніе пути по-

стиженія Бога и пріобрѣтаютъ новые, пути разума и умозрѣнія [1]). Они, говоритъ другой представитель древней Церкви, признаютъ необходимымъ дѣлать изслѣдованія въ области вѣроученія [2]). Мотивъ гносеологическій такимъ образомъ ясно звучитъ въ подобныхъ желаніяхъ древности. Подробнѣе, съ философской стороны, онъ обозначался, именно, какъ опредѣленіе новыхъ путей жизни, исканіе другой правды, сравнительно съ той, которая въ то время была извѣстна. Такой же мотивъ новаго самоопредѣленія, мотивъ религіознаго исканія пути или правды жизни не можетъ быть отрицаемъ и въ нашемъ сектанствѣ. Онъ вноситъ въ пониманіе сектанства новый, философскій элементъ, разсматривая это сектанство, какъ движеніе, или ростъ извѣстныхъ идей, и приравнивая его къ народнымъ своеобразнымъ богословско-философскимъ теченіямъ [3]).

Русское сектанство должно пройти предъ нами въ исторіи. Наша наука имѣетъ быть прежде всего исторіею русскаго сектанства. Очевидно, въ этомъ послѣднемъ понятіи *исторіи* заключается указаніе на задачи и методъ научныхъ изысканій о русскомъ сектанствѣ. Хотя исторія, согласно своему первоначальному значенію, у грековъ не обозначаетъ

---

[1]) Or. 1—Mg. CPG, t. 36, col. 21. Твор. ч. III. 14.

[2]) Св. Аѳанасій B. Epist. de Synod. Mg. CPG, t. 26, col. 720, Твор III, 134.

[3]) Насколько намъ извѣстно, преосвящ. Алексій, еп. Саратовскій, первый изъ нашихъ миссіонеровъ отмѣтилъ этотъ серьезный мотивъ и характеръ въ русскомъ сектанствѣ, назвалъ его проявленіемъ „богословствующей“ народной мысли—см. его ст. „О необходимости изученія въ Духовн. академіяхъ русскаго сектантства“—Правосл. Соб. окт. 1902, 445 стр. На этой же точкѣ зрѣнія въ отношеніи къ русскому сектанству стоитъ и молодой начинающій дѣятель миссіи Г. Чайкинъ (могилевскій епарх. миссіонер.), въ своихъ, полныхъ интереса, изслѣдованіяхъ о русскомъ сектанствѣ, печатающихся въ Мис. Обозр. 1913—1914 гг. Въ свѣтской литературѣ по сектанству этотъ взглядъ получаетъ крайнее идеалистическое выраженіе—напр., у Пругавина, Ясевичъ-Бородаевской, Боборыкина, Милюкова. Наибольшею выдержанностью *сравнительно* въ этомъ случаѣ, по нашему, является В. Андерсонъ (см. его „Старообрядчество и сектантство“ СП. изд. Губинскихъ).

изслѣдованія строго научнаго, опирающагося на объективные, безпристрастные принципы, и представляетъ, въ противоположность истинному знанію—γνῶσις, вѣдѣніе, сравнительно поверхностное, субъективное, получаемое черезъ непосредственное знаніе, въ которомъ волевой моментъ особенно долженъ быть значительнымъ, но такая характеристика нисколько не оскорбительна для исторіи. Ἱστωρ имѣетъ высокую цѣль знать все, что есть, непосредственно или на основаніи свидѣтельствъ очевидцевъ, желаетъ, чтобы эти вещи наполняли его сознаніе, и были очевидны. Въ отношеніи къ прошлому, онъ хочетъ опираться на такія свѣдѣнія, которыя въ концѣ концовъ подводили бы его къ непосредственнымъ очевидцамъ, къ самымъ первоначальнымъ основаніямъ, дальше которыхъ нельзя идти [1]). И если историкъ, по завѣту еще древняго Лукіана, поставленъ непремѣнно предъ желаніемъ и требованіемъ истины [2]), то эта любовь къ истинѣ, проистекающая отсюда осторожность и строгая основательность сужденій, управленіе фактами, но не подчиненіе имъ, и сдѣлаютъ историка объективнымъ, научнымъ. Кромѣ этого, всѣ вещи, всѣ явленія предъ историкомъ не могутъ стоять внѣ всякой связи, какъ простой перечень совершающагося или совершившагося. Онъ, естественно, долженъ объединить весь этотъ видимый конгломератъ своихъ наблюденій, и это требованіе единства, системы должно составить также вѣскій научный характеръ историческаго знанія. Изученіе исторіи русскаго сектанства должно всецѣло подчиниться этимъ общенаучнымъ требованіямъ научно-историческаго идеала.

Но если сектанство въ своей основѣ есть явленіе духа, то его исторія будетъ исторіей извѣстныхъ идей, а таковое

---

[1]) О задачахъ историка—проф. *В. В. Болотовъ*, Лекціи по исторіи др. Церкви, введеніе СПБ., 1907, стр. 2—8.

[2]) Ibid. 28 стр.

изученіе сектанства выдвигаетъ новыя свои особенности. Разумѣется, исторію идей нельзя ограничивать одною логическою связью какой-нибудь абстрактной системы. Историческій комментарій здѣсь долженъ идти несравненно дальше и глубже. Мы непремѣнно должны пользоваться сближеніемъ теоріи со всѣми фактами окружающей жизни, помнить, что всякое теоретическое положеніе, всякое впечатлѣніе, получаемое нами въ прошломъ сектанства, есть продуктъ нѣкотораго сложнаго состоянія цѣлой совокупности различныхъ данныхъ исторической жизни. Лишь только послѣ многихъ исканій, столкновеній, обусловливаемыхъ многими подробностями жизни, въ результатѣ такихъ же долгихъ колебаній и поворотовъ мысли сектанство наше символизировалось въ простыя и рѣзкія подчасъ формулы. Это постоянное соотношеніе фактовъ жизни сектанства въ прошломъ и настоящемъ съ окружающею ихъ дѣйствительностью, послѣдовательное разсмотрѣніе ихъ въ связи съ сложившимися формами, функціонирующими учрежденіями, дѣйствующими общественными порядками — непремѣнное условіе историческаго изученія русскаго сектанства, въ этомъ нашъ прагматизмъ изслѣдованія. Нечего скрывать, что столь осложненная и углубленная задача изслѣдованія часто должна встрѣтиться не только съ неприспособленностью нашихъ пріемовъ, но и съ недостаткомъ нашихъ средствъ. Вѣдь, сектанство въ своей исторіи очень мало пользовалось письменною пропагандою своего ученія. Устное слово, живой личный примѣръ—вотъ что для него составляло самую обычную форму проповѣди и вліянія. Если же и появлялось какое нибудь письменное изложеніе вѣроученія сектанства, письменная апологія, то эти произведенія разсматривались обыкновенно совсѣмъ не на ряду съ другими литературными памятниками русской словесности. Ихъ цѣнность измѣрялась не внутреннимъ процессомъ духовныхъ переживаній и работы автора, а лишь степенью и характеромъ вліянія на окружающее общество. А такъ какъ

въ сектанствѣ справедливо съ самаго же начала былъ усмотрѣнъ протестъ противъ существующихъ религіозныхъ и государственныхъ порядковъ, то сектанству, всякому публичному его оказательству, ставились законныя препятствія. Въ зависимости отъ этого, наше сектанство, въ своей исторіи должно было выработать особенную осторожность всякихъ литературныхъ сношеній другъ съ другомъ и съ внѣшнимъ обществомъ. Къ тому же нѣкоторыя секты еще и самп намѣренно скрывали сущность своего ученія отъ непринадлежащихъ къ нимъ людей, иногда возводя эту скрытность или желаніе, лишь только въ извѣстной мѣрѣ, открыть свою вѣру предъ непосвященными въ „высшія“ тайны сектанства, въ основной принципъ или догматъ. При такихъ условіяхъ, понятно, было трудно ожидать свободнаго, непринужденнаго исповѣданія сектантами своего исповѣданія. Предъ сектанствомъ была поставлена скорѣе задача самаго простого самосохраненія, при которомъ некогда, да и невозможно, было думать ему о томъ, чтобы заняться еще спеціально какою нибудь письменною просвѣтительною работою. Правда, въ руки власти, которой, по долгу охраненія интересовъ государства, такъ или иначе близко приходилось соприкасаться съ сектанствомъ, попадались все же иногда нѣкоторыя символическія книги сектанства, источники ихъ вѣроученія и жизни, но судьба этихъ сочиненій обыкновенно обставлялась строжайшею тайною и недоступностью для науки. И только въ послѣднее время, когда отношеніе къ сектантамъ стало обосновываться въ Россіи на началахъ т. н. западно-европейской свободы, для сектантовъ открылась возможность путемъ печати или письменнаго слова знакомить русское общество съ собою, съ своими вѣроученіями и принципами. Вмѣстѣ съ этимъ, и со стороны послѣдняго стали проявляться желанія ближе ознакомиться съ сектантскимъ міромъ, почувствовалась необходимость въ розыскѣ, собраніи и изданіи различныхъ матеріаловъ, рукописей, брошюръ, относящихся

къ сектанству. Но, разумѣется, это начавшееся пробужденіе научнаго интереса къ сектанству, появившіеся факты откровенности со стороны самихъ сектантовъ не даютъ еще права разсчитывать, что изслѣдователю въ его анализѣ всегда удастся раскрыть настроенія сектанства, вызванныя массою разнообразныхъ фактовъ, накопившіяся впечатлѣнія и настроенія за цѣлый періодъ молчанія и подготовки, или коренящіяся въ прочныхъ, но мало выступающихъ наружу традиціяхъ. Мы съ жадностью, какъ всякій историкъ, будемъ ловить каждый сектантскій документъ, каждую ихъ брошюру или книгу, дошедшую до насъ, будемъ присматриваться къ жизни сектантскихъ учрежденій, къ наростанію въ сектанствѣ традицій и все таки весьма часто будемъ чувствовать, что многое остается для насъ скрытымъ и неяснымъ. И это, впрочемъ, общая участь историка идей—гдѣ надо изслѣдовать движеніе мысли, какъ въ сектанствѣ, самая сущность задачи обрекаетъ изслѣдователя на объясненія приблизительныя и неполныя. Для насъ могутъ оказаться замѣтными лишь только, такъ сказать, широкія полосы сектантскаго сознанія, сказывающіяся на каждомъ шагу жизни въ литературныхъ произведеніяхъ, между тѣмъ, какъ другія, менѣе яркія, менѣе бросающіяся въ глаза легко могутъ ускользнуть изъ нашего поля зрѣнія. Да и отъ всѣхъ, предположимъ, узнанныхъ элементовъ того или другого сектантскаго положенія или факта, развѣ можно провести нити въ глубь историческаго прошлаго, провести такъ, чтобы извѣстное явленіе сектантской жизни могло быть разложено вполнѣ и безъ остатка на составныя части? Явленія духовной жизни, какъ проблемы индивидуальной исторіи, всегда остаются несоизмѣримыми величинами, и это наглядно показываетъ трудность, относительное несовершенство предстоящей намъ задачи въ исторіи русскаго сектанства. Все это всегда нужно помнить историку русскаго сектанства. Однако эта трудность предстоящей задачи не исключаетъ ея выпол-

няемости въ извѣстныхъ, даже строго научныхъ предѣлахъ. Коренясь на общемъ фактѣ человѣческой ограниченности, она можетъ указывать все же твердую научную методу. Эта метода будетъ состоять въ томъ, чтобы, не отваживаясь давать всеисчерпывающихъ объясненій, указывать замѣченную связь сектантскаго движенія, сектантскихъ идей съ тѣми или другими условіями исторической, общественной жизни. А для этого къ открываемымъ и собираемымъ матеріаламъ по сектанству окажется нужнымъ примѣнить всѣ пріемы научной критики—группировать ихъ, какъ важные и второстепенные, тщательно устанавливать подлинный въ нихъ сектантскій духъ, правдивость и безпристрастность ихъ сообщеній. Можетъ случиться такъ, что интересующій генезисъ извѣстной сектантской доктрины при всѣхъ научныхъ условіяхъ окажется недоступнымъ. Въ такомъ случаѣ должны быть выполнены серьезныя и научныя задачи статистики, описаній и классификаціи извѣстнаго и наблюдаемаго. Въ послѣднемъ получается провѣренный и изученный матеріалъ для будущихъ болѣе счастливыхъ выводовъ и обобщеній сектовѣда.

Сектанство, мы говоримъ, есть движеніе народной „богословствующей“ мысли, силящееся своеобразными путями рѣшить вѣковые вопросы человѣческаго духа о Богѣ, о правдѣ, о жизни. Съ этой стороны мы можемъ видѣть въ немъ проблески народной философіи. Отсюда и самая исторія сектанства въ извѣстной степени есть не что иное какъ исторія своеобразной, примитивной философіи русскаго народа. Но каждая философская идея, помимо объясненій условія ея происхожденія и сущности, требуетъ разсмотрѣнія связи и соотношеній отдѣльныхъ ея частей, ихъ внутренняго согласія или противорѣчія. Это систематическое изложеніе, покоющееся на философскомъ основаніи единства, и имѣющее важное значеніе при пониманіи внутренняго строя той или другой доктрины, на языкѣ философскаго мышленія име-

нуется критическимъ отношеніемъ къ идеѣ, ученію, и оно показываетъ, что для насъ интересно понять ту или другую сектантскую доктрину не какъ только отраженіе какой-нибудь эпохи, но и какъ важное, заправляющее умами логическое настроеніе. Здѣсь незамѣтно мы подходимъ ко второй задачѣ нашего изученія русскаго сектанства. Наша наука не есть только исторія сектанства, но и его *обличеніе*. Послѣдній старинный русскій терминъ и заключаетъ въ себѣ требованіе отъ насъ критическаго разсмотрѣнія, всесторонней провѣрки изслѣдуемаго нами ученія. Каждая сектантская идея, согласно этому обличенію, должна быть оцѣнена со стороны своего логическаго достоинства, должна показать, насколько въ ней самому творцу или исповѣднику удается сведеніе своихъ взглядовъ къ единству, есть ли въ ней примиряющія точки зрѣнія. Однако эта внутренняя логическая провѣрка составитъ только половину критической работы надъ сектантскимъ міровоззрѣніемъ. Извѣстно, что никакая научная критика не можетъ ограничиться пріемами одного только имманентнаго изслѣдованія. Трансцендентальный, догматическій интересъ при изслѣдованіи неизбѣженъ. Предполагая существованіе извѣстныхъ принятыхъ нами точекъ зрѣнія или одушевляющихъ стремленій, трансцендентальная критика требуетъ подойти къ философскимъ системамъ съ запросами, именно, послѣднихъ. Какія у насъ, въ данномъ случаѣ, могутъ быть трансцендентальныя точки зрѣнія, одушевляющія стремленія, понятно. Принципы нашей вѣры, нашего православнаго ученія, личное, произвольное уклоненіе отъ котораго и представляетъ наше сектантство,—вотъ нашъ трансцендентализмъ въ настоящемъ случаѣ.

Другими словами, мы обличимъ, покажемъ несостоятельность сектанства съ этой трансцендентальной точки зрѣнія тогда, когда его религіозныя положенія, его построенія провѣримъ основами и ученіемъ вселенской ортодоксіи. А чтобы послѣднее разсмотрѣніе идей и положеній сектан-

ства носило также характеръ истинной научности, намъ кажется, оно должно пойти путемъ историко-догматическаго, экспликативнаго выясненія извѣстной религіозной православной истины. Каждая выясняемая истина Божественнаго Откровенія въ силу этого должна быть выполнена полемистомъ въ ея историческомъ бытіи послѣдовательнаго ея раскрытія. Ни одинъ моментъ въ ея историческомъ раскрытіи не можетъ быть для него случайнымъ, внѣшнимъ, но долженъ быть ясно представляемъ во внутренней тѣсной связи съ подлиннымъ вѣросознаніемъ церковнымъ. Въ этомъ представленномъ генезисѣ извѣстной догматической идеи—не только жизненность, разумность ея, но только тогда и полемистъ (=миссіонеръ) будетъ хозяиномъ своего дѣла, ибо правильное и систематическое расположеніе, историческое освѣщеніе всѣхъ сторонъ извѣстнаго церковнаго воззрѣнія должно послужить для него самою лучшею защитою, гораздо болѣе достигающею цѣли, чѣмъ какой-нибудь критическій послѣдовательный анализъ сектантскихъ отрицательныхъ воззрѣній.

Таково, по нашему, должно быть рѣшеніе основныхъ вопросовъ научнаго сектовѣдѣнія. Конечно, въ цѣляхъ всесторонняго выясненія русскаго сектанства въ его исторіи и догмѣ представитель сектовѣдѣнія долженъ запастись опытомъ и руководствомъ обширнаго цикла вспомогательныхъ наукъ. Какъ онъ можетъ вѣрно классифицировать религіозныя явленія сектантской жизни, не разбираясь въ богатствѣ данныхъ современной психологіи? Что за историкъ русскаго сектантства, если предъ нимъ не уяснена во всѣхъ доступныхъ подробностяхъ бытовая, общественная и церковная жизнь русскаго народа? Какъ можетъ обойтись онъ безъ широкаго примѣненія къ русскому сектанству, такъ наз., сравнительно-историческаго метода, привлекающаго къ дѣлу соотвѣтствующіе факты общей исторіи Церкви, средней и новѣйшей ея эпохъ, ея сектъ и расколовъ? Обо всемъ этомъ

говорить подробно въ настоящемъ случаѣ мы уклонились, потому что всѣ такіе вопросы въ дѣлѣ изученія русскаго сектанства укладываются въ рамки новаго, самостоятельнаго отдѣла противосектантской исагогики—объ источникахъ изученія русскаго сектанства. Теперь же нашею цѣлью было лишь дать пробное рѣшеніе самыхъ первыхъ принципіальныхъ вопросовъ сектовѣдѣнія, уяснить посильно, такъ сказать, только отправной путь сектовѣда.

Понявъ русское сектанство, какъ видъ ереси, обусловливаемой въ средѣ народа, между многими историческими причинами, такимъ или инымъ воздѣйствіемъ со стороны, отмѣтивъ дальше въ немъ искреннюю сторону исканія своеобразно понятой имъ правды жизни, примѣнивъ, въ изученіи, къ нему всѣ требованія общенаучнаго историческаго идеала, представитель сектовѣдѣнія тѣмъ самымъ уже вступитъ на путь надлежащаго, объективнаго пониманія этого крупнаго недостатка церковно-общественной жизни русскаго народа. Въ указанномъ отношеніи къ сектанству онъ найдетъ спасеніе отъ крайней идеализаціи его, какъ какого-то глубокознаменательнаго проявленія идеализма русскаго народа или похвальной разсудочной оцѣнки старыхъ традицій. Но, съ другой стороны, благодаря указанному отношенію къ сектанству, будетъ вѣрно оцѣнено и другое крайнее представленіе его — оно совсѣмъ — не дикія бредни невѣжественнаго или больного разстроеннаго воображенія... Здѣсь же будутъ видны основы и для надлежащаго пониманія главной или послѣдней цѣли академическаго сектовѣдѣнія—научно-миссіонерской. Существеннымъ недостаткомъ, т. н., миссіонерскаго изученія русскаго сектанства, за немногими исключеніями, является оцѣнка сектанства, какъ готоваго факта, внѣ раскрытія причинъ его появленія, а затѣмъ собственное опредѣленіе дѣятелей миссіи къ русскому сектанству, въ дѣлѣ борьбы съ нимъ, какъ лишь знатоковъ библейскаго текста, въ формѣ начетчиковъ,

внѣ необходимыхъ перспективъ библейской науки и Свящ. Преданія [1]). Но если трансцендентализмъ критики русскаго сектанства, въ связи съ глубокимъ знаніемъ библіи, измѣрить, какъ мы говорили, историческимъ методомъ раскрытія истинъ Божественнаго откровенія, то, очевидно, падетъ и этотъ дефектъ современнаго миссіонерскаго воздѣйствія на сектанство. А такъ какъ наконецъ раздѣльное сужденіе о задачахъ сектовѣдѣнія—исторической и миссіонерской, можетъ быть лишь все же теоретическимъ, на практикѣ же историкъ русскаго сектанства долженъ быть миссіонеромъ, и миссіонеромъ съ надлежащимъ пониманіемъ исторіи сектъ, то такой цѣлостный идеалъ сектовѣдѣнія выдвинетъ въ миссіи забываемый нынѣ ея *универсализмъ*, по которому миссія не есть что-нибудь случайное, а существенная принадлежность Церкви, непремѣнная выразительница ея жизни. Каждый членъ Церкви долженъ быть живымъ свидѣтелемъ непреложной правды своего исповѣданія. Его одушевленная вѣра, живая неподдѣльная любовь, словомъ, связь высокой теоріи съ такой же практикой—великія и единственныя силы надежнаго миссіонерскаго воздѣйствія на міръ. Вѣдь какъ бы мы ни представляли причины и сущность русскаго сектанства

---

[1]) Да не увидятъ почтенные дѣятели миссіи въ этихъ строкахъ какихъ-ниб. неуважительныхъ отзывовъ о самоотверженной ихъ работѣ въ дѣлѣ борьбы съ русскимъ сектанствомъ. Начинающееся академическое изученіе русскаго сектанства во многомъ должно пользоваться трудами нашихъ отечественныхъ миссіонеровъ, на систематизаціи ихъ опыта пока строить свои сужденія и указанія. О многихъ изъ нихъ, здравствующихъ нынѣ, академическая каѳедра сектовѣдѣнія должна говорить часто не иначе, какъ αὐτος ἔφη или magister dixit. Но въ то же время, всѣ выдающіеся труды нашихъ миссіонеровъ, ихъ успѣхъ въ дѣлѣ защиты правосл. Церкви отъ натиска сектантовъ не должны закрывать глазъ объективнаго изслѣдователя на то, что пріемы и характеры современнаго изученія сектанства, полемики съ нимъ могутъ и должны быть усовершенствованы. Миссіонерское чутье, природный умъ и тактъ дѣятелей миссіи должны быть восполнены авторитетными указаніями и руководствомъ богатаго опыта, который запечатлѣнъ въ различныхъ богословскихъ и историческихъ академическихъ дисциплинахъ.

въ концѣ концовъ мы должны придти къ одному выводу, что грѣхъ, соблазнъ являются источникомъ сектъ. Они находятъ въ окружающемъ подходящую почву для своего произрастанія, въ видѣ сектъ. Поэтому путь научнаго всесторонняго анализа этой почвы, открытіе причинъ оплодотворенія въ ней грѣха и соблазна должны повести къ тому, чтобы мы уменьшили недостатки собственной личной и общественной жизни, развили въ себѣ православно-христіанское самосознаніе до надлежащей высоты, и тогда сектанству среди насъ не за что будетъ держаться!.. Это свѣтлое будущее—законное желаніе и естественная работа научнаго сектовѣдѣнія.